

К 75-летию Б. А. Бабочкина

НЕПОВТОРИМОСТЬ

Наверное, даже тому, кто видел Бориса Андреевича Бабочкина только на сцене или экране кино и телевизора, трудно говорить о нем в прошедшем времени. Но еще труднее тому, кто имел счастье работать с Бабочкиным.

Я была студенткой Театрального училища имени Щепкина, когда увидела спектакль Малого театра «Браконьеры». До этого я, конечно, знала и любила актера Бабочкина. Но в этом спектакле я была буквально потрясена его исполнением.

Нас, студентов, всегда в первую очередь интересовало, что будет ставить Бабочкин. Актеры старались освободить свое личное время, чтобы попричастствовывать на его репетициях. Потому что даже пассивное пребывание около этого художника оставляло ощущение сопричастности к настоящему искусству, приоткрывало каждый раз что-то новое, прибавляло знаний, как после прочтения хорошо написанной умной и нужной книги.

Бабочкин был талантлив во всем, он обладал, помимо высокого интеллекта и культуры, прекрасной способностью оратора, рассказчика и писателя, огромной внутренней притягательной силой и, конечно, основное, что привлекало к нему, — это его интереснейшее творческое прочтение произведений.

Казалось, все дается ему просто и легко, хотя, работая над ролью или над спектаклем, он выбирал самый трудный путь, никогда не повторяя ни самого себя, ни кого-то другого. Этому человеку дано было увидеть в давно известном произведении или образе то, что до сих пор никому не приходило в голову, докопаться до сути автора, которая порой бывает искажена и навязана предыдущим исполнением. Борис Андреевич талантливо, блестяще доказывал правоту своих находок.

Мое первое знакомство с Борисом Андреевичем произошло на съемках спектакля «Дачники», когда я только заканчивала театральное училище. На кинопробу я пришла со страхом и робостью перед знаменитым мастером... Своим добрым отношением, искренним желанием помочь мне разобраться в незнакомом материале Бабочкин снял с меня страх. У меня появилось хорошее «рабочее» состояние. После съемок мне была предоставлена возможность дебютировать в этой роли в спектакле «Дачники» на сцене Малого театра. Вскоре мне предложили принять участие в экранизации чеховской «Скучной истории». Уже тогда, на репетициях, было ясно, что эта работа Бабочкина будет выдающейся. Очень я боялась дуэта с Бабочкиным. Боялась, оказавшись на слишком далекой дистанции от его мастерства, помешать ему и испортить впечатление от его прекрасной актерской работы. Здесь, в «Скучной истории», я вплотную столкнулась с трудностью режиссуры Бабочкина для начинающего актера.

Только теперь, по прошествии десяти лет, я начинаю понимать, в чем заключалась эта трудность. Борис Андреевич учил меня взять себе за правило на всю жизнь — никогда не играть текст. «Актер, который слово «нежность» произносит нежно, а слово «буря» соответствующим образом, — говорил он, — это актер плохой, актер прошлого. Исполнение такого актера плоско и однозначно. Наоборот, актер, учитывающий все, что стоит за текстом, может в одной фразе, одной мыслью передать целую человеческую жизнь». Он любил говорить, что актеру важно не что он говорит, а с кем он говорит, потому что и в жизни мы это делаем по-разному, в зависимости от того, как мы относимся друг к другу. Очень бережно следил Борис Анд-

реевич за словом на сцене, не допускал небрежности в речи, убийственного темпа, скороговорки.

Как режиссер Бабочкин обладал прекрасными, уникальными способностями, необходимыми для этой профессии. Будучи тонким психологом, он точно угадывал все психологические нюансы персонажей. Прекрасно чувствовал актера, его природу, умел безошибочно разглядеть индивидуальность каждого, его психофизические возможности, о которых сам актер иногда и не подозревает. Потому-то он часто «открывал» актеров, не боялся поручать им ответственные роли, и результаты получались превосходными. Бабочкин-режиссер намечал очень интересные характеры, умел взаимодействовать на актера, заставить его блеснуть нужной гранью.

Помогая актерам найти смысл сцены, суть фразы, Бабочкин часто показывал, как надо играть, но сразу оговаривался: «Только не копируйте меня, а старайтесь понять смысл, точность мысли». Он подсказывал результат, к которому каждый должен был прийти индивидуальным путем. Конечно, как великолепный актер, он блестяще показывал, и, естественно, что его пытались копировать.

Вспоминая свою работу с Бабочкиным в «Достигаеве и других», еще раз убеждаюсь в том, что его как художника всегда интересовали чрезвычайно сложные, трудноразрешимые задачи. Он не случайно увлекся пьесами, сценичность которых подвергалась долго сомнению, — «Дачниками», «Достигаевым и другими», «Фальшивой монетой» или такой «загранной», обрешей штампами пьесой, как «Гроза», которую Бабочкин как бы омыл весенним дождем. Он умел разжечь воображение актеров постановочным замыслом, умел дать правильную от-правную точку к исполняемо-

му образу и потом в какой-то момент дать полную свободу. В роли Антонины Достигаевой Борис Андреевич не разрешал мне ни в коем случае играть подготовку к самоубийству. Но как показать ее никчемность, опустошенность? И вот однажды Борис Андреевич попросил меня выучить песенку Вертинского «Коканетка» и сказал, что играть на роле я должна так, как если бы не умела. Когда я стала петь песню, у меня вдруг появилась своеобразная пластика, какой-то «другой» голос, я вдруг ощутила ясно характер этой ненужной девицы.

Такое счастье от процесса творчества я получала во всех работах с Борисом Андреевичем. Особенно это касается «Грозы». Бабочкин был влюблен в эту пьесу, и мечту о ее постановке он вынашивал тринадцать лет. Не могу не вспомнить сегодня высказывание великого музыканта нашего времени Святослава Рихтера после спектакля: «Я только теперь понял, что такое «Гроза» Островского». К сожалению, Борис Андреевич этого уже не слышал... Похвала эта была бы ему особенно дорога. Для него спектакль виделся всегда произведением полифоническим. Он выстраивал его как симфонию.

В «Скучной истории» Катя говорит о профессоре Николае Степановиче, что его не смог бы сыграть ни один актер ввиду его неповторимой индивидуальности. То же самое можно сказать и о неповторимой, удивительной, не укладывающейся в обычные рамки индивидуальности Бориса Андреевича Бабочкина. Через всю свою жизнь пронес он высокую принципиальность художника-коммуниста. Для многих из нас его творческий путь останется высшим примером преданного служения искусству.

Л. ЩЕРБИНИНА,
заслуженная артистка
РСФСР.